ISSN 0130-7673

НОВЫЙ МИР

12

2009

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Небольшой по нынешним меркам, но удививший автора случай с районным следователем по особо важным делам.

- Борис Екимов
  - ○

Борис Екимов
«ПО ОСОБО ВАЖНЫМ ДЕЛАМ…»

Несколько лет назад, у себя в поселке, сидел я в каком-то из кабинетов районного начальства. Разговор шел обычный: о том да о сем. В разговоре этом мелькнуло: «следователь по особо важным делам». Оказывается, и у нас есть такие. «Я думал, лишь в Москве да в городе, — сказал мой собеседник, — оказывается, и у нас. Да еще — женщина». Назвал он фамилию, звание.

Фамилию эту я слыхал. Но о том, что «по особо важным», узнал впервые. Тоже думалось, что «по особым» — это где-то далеко и высоко, для каких-то великих преступлений и преступников. А у нас что? Подрались, из погреба картошку украли, угнали велосипед. Машины из гаражей воруют. Но больше — велосипеды. Я уже трех лишился. Поставлю возле магазина ли, почты. Выйду — нету. В милиции — лишь посмеиваются. Третий украли — я их покупать перестал. Всякий раз примыкать да цепями обматывать — не в привычку. Так что походим пешком, в поселке все пути — недалекие.

Велосипеды крадут, по хуторам угоняют скот и в домах шарят. Это все у нас есть. А вот до великих преступлений, слава богу, не дожили. Хотя, оказывается, имеем следователя «по особо важным». Можно и погордиться: не лыком шиты.

Давнишний это был разговор, мимолетный, вскользь. Но запомнилось. Я даже, при случае, поглядел на этого «следователя по особо важным». Обычная женщина, еще не старая, на лицо приятная.

А вот потом, через время, наша соседка, старинная приятельница моей матери, попала в беду. Внуки ее огорчают. Ребята они уже взрослые, но без царя в голове. И вот младший, второй раз уже, в историю влип. Какая-то драка да еще с ружьем. Убить, слава богу, никого не убили. Но дело оказалось серьезным. Я, еще в самом начале, позвонил своему знакомому из прокуратуры, справился и получил ответ: «Лет восемь влепят». Он как в воду глядел. И это понятно: профессия, опыт.

Спросить я спросил, но говорить никому ничего не стал. Для меня — дело стороннее, хоть и жаль человека, а для соседки и ее семьи — живая боль, ежедневная и ежечасная. Внука арестовали, поместили в КПЗ, следствие шло долго: допросы да вопросы — дело не быстрое, оно тянулось и тянулось.

А незадолго перед тем соседские внуки получили наследство: квартиру со всем имуществом. Приспело наследство кстати: для

передач и для адвоката деньги нужны. Квартиру продали, но кому и как платили, я не вникал. Чужая беда, чего в нее лезть. Тем более в таком деле. Я-то знал, чем все это кончится, загодя, но молчал, потому что в подобных делах советовать — занятие пустое и неблагодарное. Тут не может быть трезвого счета и логики. Когда родное дитя в беде, за соломинку будешь хвататься, лишь бы не сидеть сложа руки.

Тянулось и тянулось следствие. Соседка в разговорах с матерью моей не один раз упоминала женщину-следователя, хвалила ее: мол, хорошо к внуку относится, в разговоре вежливая, с передачами нет проблем, разрешает свидания — одним словом, человек добрый.

Но сколько веревочке ни виться… В конце концов был суд, и соседский внук получил столько, сколько вначале мне сообщали, — восемь лет. Осудили его, отправили на долгую отсидку.

Время шло. Наша соседка понемногу обвыкалась с тем, что внук — за решеткой. Говорилось об этом уже спокойно. С горечью, но без слез.

Как-то однажды зашла речь о той женщине-следователе, которая дело вела. Я помнил, что соседка одобряла ее: мол, относится хорошо. И теперь, вроде поддакивая, вспомнил: старалась, а не вышло…

Мне ответом был долгий вздох, а потом горькое:

— Уж эта старалась… И все у нее вышло. Утка ненажористая. Готова хапать и ртом, и… Аж гребостно вспоминать.

Я удивился:

— Брала?

— Глотала, я ж говорю, как утка. Стыда никакого. Деньги, деньги… Потом видит — денег нет, холодильник забрала. Ковер забрала. Прости мою душу грешную, но креста на ней нет. Изгородь с дачи и ту утянула.

— Изгородь?

— Да. Хороший забор. Железный. И он впору пришелся. Подогнала машину и весь, звёнками, погрузила и увезла. Подполковница, по особо важным…

Что я сказать мог. Лишь вздохнул да повторил вслух: «По особо важным…»

А потом долго у меня это из головы не выходило. Вроде бы за жизнь ко всему привыкли. Тем более — телевизор, газеты… Про эти взятки чуть не каждый день разговор. Раньше такое бывало, а нынче — и вовсе. Про милицию нашу вряд ли кто доброе скажет. Но все равно ведь кажется… То ли судишь по себе да близким, то ли хороших книжек за жизнь начитались.

Следователь по особо важным… Не сержант какой-нибудь, а подполковник, женщина, тоже — мать. А может, для сынка своего старалась. Где-то берут долларами, открывают счета в швейцарских банках. А у нас, коли другого нет, и забор на что-нибудь пригодится.

Вот тебе и «по особо важным»…